

кам, а стоило углубиться в лес, и снова навевала осеннюю грусть тишина. Редкие синицы-гаички, казалось, уже пищали по осенне-зимнему, и лишь многочисленные ватаги рыжих и зеленоватых клестов беспечно радовались большому урожаю еловых шишек. Этим ни зима, ни осень нипочём — в феврале уже особо нетерпеливые начнут гнездиться.

Клесты меня будили каждое утро. Как только светало, откуда-то появлялась шайка этих забавных птиц и принималась грызть избу, в которой я обитал. Чем их привлекали старые доски и брёвна? Видимо, они в них находили ценные минералы. Однако спать, когда стены дома и даже крышу точат пернатые «грызуны», не получалось. Я потихоньку выходил из дома с фотоаппаратом, но клесты не желали позировать и улетали, часто не появлялись до следующего утра.

За окном, всегда разный, невысказанным дредноутом лежал хребет Тулымский камень. Вот он надел кепку из облаков, а вот натянул одеяло. Смотреть на него можно бесконечно. Невольно одолевала зависть к хозяевам заповедного хутора — Сергею и Алевтине Смирновым — они наблюдают за величественным камнем постоянно. Лув-Нер (мансийское название Тулыма) внушает уважение. Хотя он и уступает по высоте Конжаковскому камню в Свердловской области, но суровее, мрачнее, и путнику, вздумавшему перевалить его, в некоторых местах надо быть осторожным. То вдруг многотонный валун сдвинется, то склон из мелкой щёбенки оживает под ногами, грозя завалить путешественника.

Прекрасна неторопливость лесного бытия. Современная городская цивилизация лишила человека удовольствия жить не спеша, не думая о минутах. А в тайге ты просто намечаешь: завтра иду туда-то и делаю то-то, при этом на ум совершенно не приходят мысли: во сколько надо выйти и когда вернуться.

После клестовой побудки я строгал ножом лучину и растапливал печь. Вскоре подавал голос маленький экспедиционный чайник. Начался обычный таёжный день.

Канюк

Закончив незамысловатую трапезу, я выходил в туманное утро и отправлялся на очередной учёт птиц. Тропа, почищенная Сергеем Смирновым, вилась по березово-еловому лесу и направлялась вверх по тихой речке Лыпье. На глаза то и дело попадались рыжие подосиновики или вздыбившие лесную подстилку крепыши-грузди. Хотя грибное разнообразие ими, конечно, не исчерпывалось. Встревоженная синехвостка беспокоилась среди нижних лап невысокой ели, сухим потрескиванием ей отзывалась зарянка. А потом снова наступала тишина. Пройдясь по лесу, тропа выходила на высокий склон реки, отсюда снова открывался Тулым.

Семейство рябчиков, увидев человека, шумно разлетелось по сторонам.

Молодняк уже почти достиг размеров взрослых птиц. Как это часто бывает, один не в меру любопытный слётотел отлетел недалеко и косил на меня с ветки карим глазом. Щёлкал затвор моего фотоаппарата, но под пологом леса в пасмурный день хороший снимок сделать трудно. Скоро выводки рябчиков распадутся, и молодые птицы начнут искать себе место под солнцем. Они, в отличие от глухарей и тетеревов, держатся за свою землю и, заняв облюбованный участок леса, могут прожить на нём всю жизнь. Самец и самка образуют при этом вполне добропорядочную семью, где в заботах о потомстве участвует и отец.

Незаметно я добрался до ключа, который вливался в Лыпью. Дальше тропа была уже не столь хороша. Я повернул назад — птиц было мало. Пернатые в самом деле держались по опушкам и берегам. Нужно было поснимать клестов, которые почему-то концентрировались не на хуторе, а на кордоне заповедника, на другом берегу Вишеры.

Наступил нежаркий полдень. Интересный гость появился возле избы: создавалось впечатление, что можно вообще никуда не ходить — все прилетят или придут сами. Я только занялся приготовлением обеда, как вдруг обнаружил, что на столбе возле столика перед домом сидит канюк. Потихоньку приоткрыв дверь, смог сфотографировать непугливого хищника. День складывался удачно. Теперь самое время переправиться на ту сторону Вишеры со штативом и прочей аппаратурой и заняться уральскими «попугаями» (клестами). Они далеко не каждый год появляются в таком изобилии.

Вечером, возвращаясь с кордона, обогащённый сотней портретов клестов, я вновь обнаружил канюка на избе. Видимо, он здесь постоянно подкарауливал мышей и полёвок. На реке Лыпье «паслись» кряквы и чирки-свистунки, два крохали ловили мальков на перекате.

Тулымский камень окрасился в розоватые тона. Небольшое облако поливало его южный отрог коротким дождём. День подходил к концу. Можно зажечь свечку, заполнить дневник и почитать рассказы Киплинга... **К**